

ПОЕЗДКА В ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ: историко-педагогическая реконструкция на основе современных воспоминаний о советском детстве

Борис Викторович Куприянов,

*профессор департамента педагогики Института педагогики и психологии
образования Московского городского педагогического университета,
доктор педагогических наук, Москва*

Елена Михайловна Карпова,

*доцент кафедры психолого-педагогического образования Института педагогики
и психологии Костромского государственного университета, кандидат
педагогических наук*

*А я был в лагерь тогда отправлен,
И на две смены был весь мир отправлен.
О. Митяев*

Историко-педагогическая реконструкция поездки в пионерский лагерь как жизненного события советских детей второй половины XX в. на материале современных воспоминаний. Теоретической базой выступил ряд исторических подходов, разработка в социологии проблемы социальной адаптации, концепция воспитательной организации. Анализ 139 информативных рассказов позволяет восстановить палитру переживаний отдыхавших детей.

• педагогическая антропология детства XX века • история внешкольного воспитания в СССР • летний лагерь • устная история

Особое место в советском мифе о счастливом детстве принадлежит пионерским лагерям. Этим словосочетанием с середины 20-х до начала 90-х гг. XX в. обозначалось воспитательно-оздоровительное учреждение, организуемое для пионеров и школьников во время летних и зимних каникул [10]. Как показывает анализ нормативных документов той эпохи, кроме пионерских лагерей, для школьников существовали ещё и санаторные, колхозные, межколхозные, оздоровительные, лагеря труда и отдыха и т.д. Советская педагогическая

энциклопедия отмечает: «Загородный пионерский лагерь — наиболее распространённый тип пионерского лагеря, обслуживающий основную массу пионеров» [10]. Если верить советской статистике, в 1963 г. в 7,8 тыс. загородных лагерях СССР отдохнули 4 млн 369 тыс. детей [10], а в 1979 г. в 10,8 тыс. лагерях отдохнули свыше 7 млн советских детей [3].

Воспоминания о таком массовом явлении советского детства, как пионерский лагерь, отражаются на целом ряде

интернет-ресурсов и в вышедших в последнее десятилетие ряда историко-публицистических книг (А.А. Васькин, Ф.И. Раззаков), целого ряда мемуаров (С.П. Никоненко, С.П. Проскурин, В.Т. Третьяков, В.А. Цай). Все эти указанные обстоятельства создают возможности для научного анализа материалов соответствующей тематики.

Существенный потенциал для историко-педагогического исследования поездки в пионерский лагерь как специфического события жизни советского ребёнка задаётся концептуальными идеями школы «Анналов» (*Ecole des Annales*), в частности направленностью исторического познания на постижение мотивов и поступков непосредственных участников событий, реконструкции их субъективной интерпретации происходящего. Также актуальными представляются положения микроисторического анализа, где такое частное явление, как поездка ребёнка в пионерский лагерь, рассматривается в контексте отражения представлений и тенденций, существовавших в советском обществе.

При концептуализации историко-педагогической реконструкции представляется целесообразным опереться также на теоретические трактовки социальной адаптации (Т. Парсонс, Г. Спенсер, Л. Фестингер, Т. Шибутаки) как состояния равновесия, возникающего во взаимодействии приехавшего ребёнка и социальной среды пионерского лагеря, где ожидания и потенциал ребёнка соотносятся с параметрами среды, что определяет его эмоциональное самочувствие. В то же время, адаптируясь в лагере, ребёнок выступает в качестве активного субъекта, решая возникающие проблемы и стремясь преодолеть эмоциональное напряжение.

В рамках исследовательской линии, представленной работами Е.В. Абашкиной, P. Aries, В.Г. Безрогова, С. Kelly, А.С. Ляшок, А.Ю. Рожкова, М.В. Ромашовой, пионерский лагерь может рассматриваться как

одно из «локальных социокультурных пространств детской жизни (наряду со школой, домом, улицей (двором, игровой площадкой)), детским садом, детской комнатой» [8, С. 120].

Опираясь на концепцию социального воспитания А.В. Мудрика, следует особое внимание уделить «принципу вхождения ребёнка в воспитательную организацию» [9]. Разворачивая этот тезис, открываются такие аспекты вхождения, как обязательность/необязательность поездки, субъект инициативы направления ребёнка в лагерь, массовость практики, субъективное отражение детьми и взрослыми практики отдыха в лагере, проблемы адаптации и урегулирования детско-взрослых отношений (социальные конвенции детей и родителей в связи с пребыванием в пионерском лагере) [7, С. 41–56.].

В последнее время появились комплексные исследования, использующие как биографические фокусированные интервью с непосредственными участниками событий, документы государственных и общественных структур, выступавших организаторами летних лагерей, личные архивы информантов [6]. В то же время потенциал ретроспективных методов (фокусированных интервью) на большом массиве респондентов использован не в полной мере.

В настоящем исследовании использовались полуструктурированные нарративно-ориентированные интервью, в которых респондентам предлагалось реконструировать события своего детства, связанные с поездками в пионерские лагеря. Наиболее существенными для анализа, обобщения и интерпретации воспоминаний, характеризующих субъективный образ пребывания советских детей в пионерских лагерях, выступали несколько блоков вопросов:

- о первом опыте отдыха в пионерском лагере (возраст, ожидания, впечатления);
- о количестве и регулярности поездок в организации данного типа;

- о чувствах, которые испытывал респондент в детстве, когда приезжал в лагерь (в первый раз и следующие).

Процедура исследования предусматривала сбор и интерпретацию воспоминаний лиц, проживавших на территории СССР в период с 1946 по 1991 гг. (материалы были собраны с марта 2017 г. по декабрь 2020 г. в Калининграде, Костроме, Москве, Новосибирске, Нижнем Тагиле, Рязани, Ульяновске, Чебоксарах, Челябинске, Ялте). После первичной обработки материалов были отобраны 139 информативных рассказов, содержащих актуальные сведения. В качестве основных источников информации использовались ответы респондентов на вопросы об отношениях детей с родителями по поводу поездки в пионерский лагерь.

Выборка включала респондентов в возрасте от 43 до 80 лет (1940-е годы рождения — 8%, 1950-е г.р. — 11,5%, 1960-е г.р. — 35,5%, 1970-е г.р. — 45%). После первичной обработки материалов был отобран 121 информативный рассказ, содержащих актуальные сведения (среди информантов — 21% мужчин и 79% женщин). Распределение по типу населённого пункта, где проживали респонденты в детстве, оказалось следующим: Москва — столица СССР — 26,4%, другие городские поселения — 51,3%, деревни, сёла, рабочие поселки — 22,3%. В детстве участники опроса проживали как на территории союзных республик (Казахстан, Латвия, Литва, Узбекистан, Украина, Таджикистан, Эстония), так и в РСФСР (Москва, центр Европейской части и Северо-Запад, Юг России, Урал и Поволжье, Сибирь и Дальний Восток). Материалы интервью были дополнены анализом мемуаров В.Т. Третьякова (1953 г.р.).

Решение об отдыхе детей в пионерском лагере принимали, как правило, родители, основанием для такого решения была невозможность обеспечить присмотр в период длительных летних каникул. У советских городских, работающих родителей альтернативы было две: либо бабушки-бабушки, иногда другие родственники (в деревне или на даче), либо пионерский лагерь. На селе незанятость ребёнка в летний период воспринималась более спокойно, сельские дети были вовлечены в сельскохозяйственные работы в своём домашнем хозяйстве, самоорга-

ПИОНЕРСКАЯ ИСТОРИЯ

низация ими своего свободного времени являлась широко распространённой практикой. Важно отметить, что в советское время поездка в пионерский лагерь воспринималась и детьми, и их родителями как обязательный атрибут каникулярного лета, как культурная норма. Прояснению типичной ситуации поездки в пионерский лагерь советского школьника содействуют суждения 47,5% респондентов о том, что такой вариант проведения летних каникул был традиционным («все ездили в пионерские лагеря»), а 7,5% упоминают своего рода эмоциональное заражение («окружающие сверстники и родители имели соответствующий опыт и делились

положительными впечатлениями»). 35,8% опрошенных обращают внимание на отсутствие других вариантов организации присмотра в летний период («у родителей — свои дела, к бабушке в деревню — не хочу»; «[в лагерь] не хотелось, конечно... Ну, родителям надо было меня куда-то сбавить, потому что у них свои дела»; «присматривать-то было некому <...> очень удобно детей в пионерский лагерь отправлять»). Как показывают результаты опроса, кроме необходимости (родители не могут взять отпуск, ребёнка не с кем было оставить), поездка могла быть обусловлена желанием родителей содействовать развитию у ребёнка самостоятельности,

получению опыта жизни в коллективе и т.п. Как показывает контент-анализ, в своих ответах об организации поездки в пионерский лагерь респонденты, даже когда подчёркивают наличие сильного желания, используют словосочетание «меня отправили» («отправлять» — заставлять кого-либо уйти, уехать; отсылать куда-либо).

Судя по воспоминаниям, *обстоятельства первой поездки* существенно различались: 55,8% опрошенных отмечают наличие собственного желания, 25% — свидетельствуют о том, что отдых в лагере был по настоянию родителей, а 19,2% — попали в пионерский лагерь в силу сложившихся обстоятельств («отправил колхоз», «поехали классом», «отправила школа», «спортивная команда», «отец работал на прииске — и из посёлка в несколько самолётов вывозили детей в лагерь»).

О наличии практики групповых выездов в пионерский лагерь (в составе класса, спортивной секции, детей, проживавших рядом и т.п.) свидетельствуют 9,2% участников опроса («отец работал на прииске — и из посёлка в несколько самолётов вывозили детей в лагерь»; «Ехали все с удовольствием. Мы все друг друга знали, мы же занимались спортом каждый день, и выезжала именно наша группа с нашими тренерами и нашим хореографом»; «мы ездили всем классом, поэтому было легче переносить поездку»; «мы ездили вместе со своими одноклассниками, родители которых также рабо-

тали в этом колхозе»; «мы все вместе с детьми-односельчанами отправились»).

В советских школах и внешкольных учреждениях, в работе комсомольских органов практиковалось направление школьников в пионерский лагерь за активную общественную работу. Отдельного внимания заслуживают случаи, когда сами школьники инициировали свою поездку («Я родителям написала обращение: “Уважаемые Родители! Я считаю, что я заслужила у Вас путёвку в пионерский лагерь. Я очень прошу, чтобы Вы об этом сообщили председателю сельского совета”. И родители действительно добыли мне путёвку. Я поехала в пионерский лагерь»).

Весьма интересные сведения об охвате детей отдыхом в пионерских лагерях Омской области в 1961–1980 гг. приводит К.К. Ашенова: 34% отдыхали в пионерских лагерях каждое лето, более 3 раз — 14%, 1–2 раза — 24%, и только 18% опрошенных заявили, что не были в лагере ни разу [2, С. 114]. Согласно нашим данным, большинство детей ездило в лагерь многократно (36,9% — ежегодно по одной смене, а 12,3% — ежегодно по несколько смен), 32% советских детей ездили в пионерских лагерь за всё детство два-три раза, остальные 18,8% — однократно. В связи с увеличением отпусков рабочих и служащих в СССР в 1967–1971 гг. у родителей появилась возможность часть летних каникул проводить с ребёнком, поэтому если многие дети в 50–60-е гг. отдыхали в лагере практически всё лето, то в 70–80-е гг. как минимум на один месяц меньше.

По данным исследования, *первая поездка в загородный детский лагерь* в дошкольном возрасте (7 лет и младше) состоялась у 5,7% опрошенных (в том числе поездки в составе группы детского сада), в период обучения в начальной школе — у 59,1%, в подростковом возрасте в пионерский лагерь в первый раз поехали 35,2% участников опроса. Зафиксируем,

что дебют публичной самостоятельности советские дети 1946–1973 гг. рождения совершали в достаточно раннем возрасте, большинство в младших классах школы.

Можно утверждать, что 68% советских школьников с удовольствием ездили в пионерские лагеря, у 10% — в ходе смены происходила адаптация и первоначальное негативное отношение преодолевалось, а 22% детей отправлялись против собственного желания («Совсем не нравилось, но меня туда отправляли родители, потому что было принято ездить в лагеря, это было частью нашей культуры, а мне не очень хотелось маршировать строем, мне не нравилась сама жизнь в пионерском лагере, это умывание холодной водой по утрам, эти зарядки. Ну, я всё-равно ездила, поскольку родители покупали путёвку, ну, с середины смены я уезжала»). Отношения родителей и их детей, возникавших в ситуации, когда ребёнок вынужден был отдыхать в пионерском лагере по настоянию родителей, реконструированы как детско-взрослые конвенции [7].

Различались и индивидуальные ожидания ребёнка перед первой поездкой в пионерский лагерь: 45% испытывали радость, счастье, любопытство, интерес, а 53% — страх, тревогу, панику, волнение, растерянность, оставшиеся 2% констатируют спокойствие и отсутствие каких-либо ярких чувств. Факторами позитивными ожиданий, как отмечают опрошенные, выступали новизна места, чувство самостоятельности, надежды на интересные события, знакомство со сверстниками, а причинами страхов и тревоги, соответственно, неизвестность, расставание с родителями, большое число незнакомых людей. Картина реализации ожиданий в пионерском лагере выглядит так: положительные ожидания («друзья, настроение, игры, дела») были подкреплены у 84% детей, а негативные — у 16% («Перед поездкой все очень радовались, ждали очень сильно этой поездки, волновались, все были очень счастливы и довольны, что поедем в пионерский лагерь... Ну, почему-то чувства были совершенно противоположны, когда мы приехали в лагерь, и почему-то быстро захотелось ехать обратно домой»; «Сначала мне хотелось, был эффект новизны, но... было очень холодно, дождливо... и поэтому у меня возникли ощущения тоски, заброшенности, одиночества»).

Существенные различия в ретроспекциях своего отдыха в детстве можно объяснить действием ряда факторов. Во-первых, пионерские лагеря отличались организацией жизнедеятельности (особенности программы, позиция вожатых-воспитателей): «В “Маяке” мне не нравилось. В “Озёрном” было как-то по-другому, свободнее было, и чувствовала себя там раскованно, как будто ты не в пионерском лагере, а в доме отдыха». Аналогичное сравнение в своих воспоминаниях приводит В.Т. Третьяков. Вторым фактором, обусловившим различия в субъективном восприятии пространства пионерского лагеря, явились особенности ребёнка, его возраст, психологические свойства (уровень экстраверсии-интроверсии), привычные для него социокультурные условия, имеющийся на тот момент опыт произвольности. Вот характерное признание одного респондента: «А я человек не коллективный и свободолюбивый. Поэтому находила дырку в заборе и, когда знала, что меня не будут искать, выходила за территорию лагеря и наслаждалась свободой». А вот мнение явных экстравертов: «Я не хотела читать книги, мне нужна была всё время компания»; «Возможность уединиться была. Но мне этого не хотелось».

Об индивидуальных различиях в восприятии отдыха в пионерском лагере родными сёстрами, причём близкими по возрасту, свидетельствует такое воспоминание: «Выделяли <...> путёвки в пионерские лагеря каждый год для меня и сестры, но я не всегда ездила, а сестра обожала просто. Одно лето она была в лагере 3 смены подряд. <...> я отдыхала в пионерском лагере раз 5–6 от силы. Я их [пионерские лагеря] не очень любила, так как мне больше нравилось проводить летнее время в городе. Я всегда находила себе занятия по душе. К тому же там нужно было рано вставать, делать зарядку, ходить везде строем — а это я терпеть не могла».

Обнаруживается и возрастная динамика в восприятии пионерского лагеря: в младшем возрасте отдельная категория детей получила негативный опыт, а в старшем возрасте — ездили с удовольствием. В ряде случаев привлекательность поездки в пионерский лагерь утрачивалась: «Когда была в пионерском лагере, первые два раза мне хотелось поехать, хоть чего-то нового, но потом уже в остальные разы я совсем не хотела туда ехать, вот совсем. Не знаю, мне было тяжело, может, уже надоело, потому что знала, что всё одно и то же». Если соотнести положительную мотивацию и количество поездок, получается, что почти половина (49%) многократно бывали в лагере согласно желанию и только 7% — многократно вопреки.

Дополнительным фактором, облегчающим трудности адаптации в пионерском лагере, становилась поездка вместе с знакомым сверстником или родственником (братом, сестрой), это обстоятельство просматривается в воспоминаниях об отрицательных эмоциях (в частности, в наличии слёз). При этом поездка в лагерь группой хорошо знакомых сверстников была самой безболезненной («Отправились мы туда целой компанией одноклассниц. Там было здорово!», «Было волнительно, но мы ездили всем классом, поэтому было легче переносить поездку»).

Наглядным проявлением эмоциональных переживаний ребёнка являются слёзы, результаты опроса позволяют зафиксировать, что ни-

когда не плакали в пионерском лагере 53%; иногда в отдельных случаях — 24%; постоянно, часто рыдали — 23%. Отсутствие слёз в пионерском лагере, с одной стороны, свидетельствует об эмоциональном благополучии респондентов: «Мне там очень нравилось»; «Мне там было хорошо»; «Была очень активной и общительной девочкой, которая никогда не сидела на месте»; «Там было весело»; «Никогда! Я очень любила лагерь!»; «Нет, в пионерском лагере мне было настолько весело и хорошо, что плакать было просто-напросто некогда»; «Нет, не плакала. Домой не хотелось, было весело». В течение смены плакали дети, которые не смогли адаптироваться к условиям пионерского лагеря и очень скучали по дому («Плакала, конечно. И письма слёзные маме писала, как Ванька Жуков: “Милая мамочка, забери меня отсюда”»; «Конечно, я каждый день сидела и ждала своих родителей, когда они ко мне придут»; «Плакала и хотела домой, скучала по родителям. Мне там не очень нравилось»; «Да я прорыдала в лагере пять дней или семь, не помню. Каждый день, каждый день, и на седьмой день приехали родители. Я в слезах: “Заберите меня пожалуйста!” А они: “Давай подожди ещё немножко, может, всё-таки вдруг привыкнешь”. Последнее, что я помню, это когда родители второй раз приехали, я уже даже никого не слушала, с чемоданом пришла на проходную: “Заберите меня, как хотите, всё!”»).

Ситуативные слёзы были вызваны следующим перечнем причин: трудности адаптации к жизни в лагере; встреча с домашними в родительский день; огорчения, связанные с различными обстоятельствами лагерной жизни; печаль, возникающая в последние дни лагерной смены перед прощанием.

В связи с негативными переживаниями достаточно часто участниками опроса упоминался день посещения лагеря родителями: «На родительский день, когда [родители] стали уезжать, вроде как я и всплакнула немножко. Хотя, как только

папа с мамой пропали из виду, я забыла обо всём и побежала дальше играть, никаких слёз больше не было»; «Плакала, когда приезжали в выходные родители навещать, они уезжали домой, и я всё время рыдала. Мне было жалко, что они уезжают и меня оставляют»; «Плакала один раз, когда приезжала мама моя навестить меня».

Специфическими причинами переживаний детей выступали различные ситуации: «Я заболела, мне было плохо»; «Плакала из-за укуса осы»; «Ну, если только играли в пионербол и забьют гол»; «В чём-то поучаствовать хотела, а ты оказался не лучшим, как же так? Это до смерти обидно. Проиграла команда, тоже бывало такое».

Слёзы в последние дни лагерной смены свидетельствуют о субъективной значимости для детей отношений, сложившихся во временных объединениях («Плакала. На прощальном костре»; «Плакала в последний день, потому что не хотела уезжать из лагеря»; «Когда разбегались, момент был трагичный. Вообще, событий было масса и всё в новинку»). Объяснимо, что, по данным опроса, девочки позволяли себе плакать значительно чаще мальчиков.

Однако отсутствие слёз далеко не всегда свидетельствовало о психологическом благополучии ребёнка: некоторые дети считали для себя недопустимым публичное проявление слабости («Я терпел, хотя, может, и не всегда всё было хорошо»; «В лагере не плакала. Я старалась держаться, но были такие моменты, что хотелось всплакнуть»; «Нет, вообще не плакала в лагере, как-то понимала, что потом приедем»; «Потому что был уже взрослый, плакать не плакал, потому что я был достаточно самостоятельным»).

Выводы. В целом можно утверждать о востребованности практики отдыха в пионерских лагерях

в советский образ жизни семей с детьми («Тогда же это было в порядке вещей, что родители работают на предприятии, а дети в летних лагерях»). Информанты сообщили, что ездили в лагерь до 14 лет (в соответствии с тогдашними правилами), в старших классах летние каникулы советские школьники проводили в лагерях труда и отдыха, в лагерях пионерского или комсомольского актива.

Обобщая данные интервью, можно сформулировать предположение о наличии нескольких **поведенческих сценариев детей**, приезжавших в пионерские лагеря в 50–80 гг. XX в.

Сценарий «*бывалого лагерника*» выражался в том, что дети принимали правила жизни в пионерском лагере, в полной мере получали удовольствие от тех возможностей, которые в этом пространстве им предоставлялись. В рамках этого сценария дети могли годами отдыхать в пионерских лагерях по несколько лет, а могли съездить на 2–3 смены.

Сценарий «*жертвы*» возникал в силу различных причин (возраст, интроверсия, ригидность), ребёнок испытывал трудности в адаптации к условиям пионерского лагеря, он терпел неудобства, затем «давил» на родителей, чтобы они его забрали из лагеря. В рамках этого сценария ребёнок мог один раз побывать в пионерском лагере и больше никогда не соглашаться на такой вид каникулярного отдыха. Однако, слушаясь своих родителей, другие же дети, несмотря на дискомфорт, вынуждены были ежегодно отбывать в пионерском лагере как минимум несколько недель. **НО**

Список использованных источников

1. Абашкина Е.В. Советский пионерский лагерь: от послевоенного к позднесоветскому (опыт качественного исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 13. 2013. № 4. С. 55–59.
2. Ашенова К.К. Советское детство: повседневная жизнь детей Омска: 1961–1980 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Ашенова Кымбат Кайсаровна; [Место защиты: Тюмен. гос. ун-т]. Омск, 2018.
3. Большая медицинская энциклопедия, 1982 — Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б.В. Петровский. М.: Сов. энциклопедия, в 30 тт. Т. 19. 1982.
4. Васкин А.А. Повседневная жизнь советской столицы при Хрущёве и Брежнев. М.: Молодая гвардия, 2017.

Б.В. Куприянов, Е.М. Карпова. **Поездка в пионерский лагерь: историко-педагогическая реконструкция на основе современных воспоминаний о советском детстве**

5. Димке Д.В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х гг. М.: Common place, 2018.
6. Димке Д.В. Летние трудовые школьные лагеря начала 1960-х годов как анклавы советского идеализма // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 138–147.
7. Куприянов Б.В. Детско-взрослые конвенции советского прошлого (по материалам современных воспоминаний о пионерском лагере 60–80 гг. XX в.) // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2020. Вып. 56. С. 41–56.
8. Ляшок А.С. К вопросу о конструировании «повседневности мальчиков» и «повседневности девочек» в пространстве школы 1980-х — первой половины 1990-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 119–124.
9. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учебник для обучающихся по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование». М.: Академия, 2014.
10. Педагогическая энциклопедия / Гл. ред.: И.А. Каиров // В 4 тт. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 2.
11. Раззаков Ф.И. Наше лучшее детство. М.: Алгоритм, 2017.

A Trip To The Pioneer Camp: Historical And Pedagogical Reconstruction Based On Modern Memories Of Soviet Childhood

Boris V. Kupriyanov, Professor of the Department of Pedagogy of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education of the Moscow City Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow

Elena M. Karpova, Associate Professor of the Department of Psychological and Pedagogical Education of the Institute of Pedagogy and Psychology of the Kostroma State University, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kostroma

Abstract. The historical and pedagogical reconstruction of the trip to the pioneer camp as a life event of Soviet children of the second half of the twentieth century on the material of modern memories is carried out. The theoretical basis was a number of historical approaches, the development in sociology of the problem of social adaptation, the concept of educational organization. Semi-structured narrative-oriented interviews were used as the main research method. The analysis of 139 informative stories allows us to restore the decisive role of parents in the purchase of vouchers, the intensity of trips to the pioneer camp of representatives of two post-war generations, the age of the debut trip, the palette of experiences of vacationing children.

Keywords: pedagogical anthropology of childhood of the twentieth century, history of extracurricular education in the USSR, summer camp, oral history.

References

1. Abashkina E.V. Sovetskij pionerskij lager': ot poslevoennogo k pozdnesovetskomu (opyt kachestvennogo issledovaniya) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. T. 13. 2013. № 4. S. 55–59.
2. Ashenova K.K. Sovetskoe detstvo: povsednevnaya zhizn' detej Omska: 1961–1980 gg.: dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.02 / Ashenova Kymbat Kajsarovna; [Mesto zashchity: Tyumen. gos. un-t]. Omsk, 2018.
3. Bol'shaya medicinskaya enciklopediya, 1982 — Bol'shaya medicinskaya enciklopediya / Gl. red. B.V. Petrovskij. M.: Sov. enciklopediya, v 30 tt. T. 19. 1982.
4. Vas'kin A.A. Povsednevnaya zhizn' sovetskoj stolicy pri Hrushchyove i Brezhneve. M.: Molodaya gvardiya, 2017.
5. Dimke D.V. Nezabyvaemoe budushchee: sovetskaya pedagogicheskaya utopiya 1960-h gg. M.: Common place, 2018.
6. Dimke D.V. Letnie trudovye shkol'nye lagerya nachala 1960-h godov kak anklavy sovetskogo idealizma // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2013. № 2 (22). S. 138–147.
7. Kupriyanov B.V. Detsko-vzroslye konvencii sovetskogo proshlogo (po materialam sovremennyh vospominanij o pionerskom lagere 60–80 gg. XX v.) // Vestnik PSTGU. Ser. IV: Pedagogika. Psihologiya. 2020. Vyp. 56. S. 41–56.
8. Lyashok A.S. K voprosu o konstruirovanii “povsednevnosti mal'chikov” i “povsednevnosti devochek” v prostranstve shkoly 1980-h pervoj poloviny 1990-h gg. // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011. № 8. S. 119–124.
9. Mudrik A.V. Social'naya pedagogika: uchebnyk dlya obuchayushchihhsya po napravleniyu podgotovki “Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie”. M.: Akademiya, 2014.
10. Pedagogicheskaya enciklopediya / Gl. red.: I.A. Kairov // V 4 tt. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1965. T. 2.
11. Razzakov F.I. Nashe luchshee detstvo. M.: Algoritm, 2017.